

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ВТОРНИКЪ, 1 АВГУСТА 1922.

MARDI 1 AOUT 1922

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА

Quotidien Russe — «LES DERNIERES NOUVELLES». Directeur P. N. MILIOUKOV

ВТОРНИКЪ, 1 АВГУСТА 1922.

MARDI 1 AOUT 1922

№ 701

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(съ 1-го числа каждаго мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Въ Парижѣ и провинціи	10	27	50	95
Заграничей	12	33	60	110

Перемѣна адреса — 1 фр.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи и во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ. — Приемъ объявленій въ Конторѣ Редакціи.

ЦѢНА №: въ Парижѣ и пров. 35 сантим. за-гран. 50 сантим.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА

REDACTION & ADMINISTRATION

5, rue des Gobelins, — Paris (XIII).

Телеграфный адресъ : Dernouvel — Paris : Телефонъ : Gobelins 22-94
Adresse Télégraphique : : Téléphone

Отдѣленіе конторы по приему объявленій и подписки : Société de Presse, de Publicité
d'Editions 22, rue d'Anjou. Tel : Evsées 35-58

ABONNEMENTS:

(Partant du 1er de chaque mois)

	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
Paris et Départements	10	27	50	95
Etranger	12	33	60	110

Changement d'adresse : 1 fr.

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans tous les Bureaux de poste.
Annonces : aux Bureaux du Journal.

Le Numéro : Paris & Départements 35° Etranger 50°

№ 701

3-me

ANNÉE

79.

3-й ГОДЪ
ИЗДАНИЯ
79.

ОКОЛО ЧЕХОВА

1

Сказать, что Чехову не повезло за границей, было бы не малым грѣхом против истины. Чехова переводят, готовят собрания — и чуть ли не полныя — его сочинений, ставят иногда на сценѣ и даже, хотя и совсѣмъ рѣдко, о немъ говорятъ.

Интересъ къ Чехову за границей явлется новое. До войны его немного знали въ славянскихъ странахъ и въ Германіи (главнымъ образомъ, благодаря библиотекѣ «Рекламъ»). Кое что было переведено на французскій языкъ — 2 - 3 желтыхъ томика. Опубликованы были также прекрасные переводы г. Дени Роша («Мужики», «Въ оврагѣ», «Вашька» и др.) и Миле Клэрз Дюкре (почти такі «Мужики», «На подводѣ» и т. д.) — два красивыхъ томика, изданныхъ еще при жизни Чехова.

Въ общемъ, до войны, Чеховъ былъ совсѣмъ неизвѣстной величиной на Западѣ, и напимѣръ, французы, интересовавшіеся русскою литературой, но не знавшіе русскаго языка, съ удовольствіемъ говорили о «Ceux de Podlipna» par M. Réchetaikoff (Подлиповцы!), которые поражали ихъ своимъ этнографическимъ «couleur locale» и своимъ трагизмомъ, но оставались болѣе чѣмъ равнодушны къ нѣсколькимъ извѣстнымъ имъ рассказамъ Чехова, въ которыхъ мало было этнографичности. Не даромъ же именно «Мужики» съ ихъ дикимъ бытомъ привлекли особенное вниманіе переводчиковъ.

Во время войны г. Питоевъ разрабатывалъ планъ своего Театра Наций въ Женевѣ и мечталъ о постановкѣ Чехова. Теперь его проектъ осуществленъ, и Чехова играютъ не только въ Женевѣ — на этомъ *sarregfour des nations*, но г. Питоевъ завозитъ его иногда и въ Парижъ, гдѣ онъ и г-жа Питоева своей чудесной игрой заинтересовываютъ Чеховымъ и французскую публику. Недавно «Татъ» очень симпатично отзывался о «Чайкѣ». Пробовали играть «Дядю Ваню» въ «Старой Голубятнѣ», хотя и

безъ большого успѣха. Наконецъ, «Летучая Мышь» показала «Хирургію». Теперь уже не скажутъ, чтобы Чеховъ былъ неизвѣстностью на Западѣ.

Въ самое послѣднее время вышелъ рядъ новыхъ переводовъ Чехова, сдѣланныхъ чрезвычайно любовно и тщательно К. Мостковой и г. Ламбло: «Вишневый садъ» съ прекрасными рисунками — *blanc et noir* — г-на Ламбло, «Чайка» (въ «Renaissance d'Occident») и томикъ: «Три года» и «Палата пом. 6». — Нѣкоторымъ показателемъ того, какъ все таки мало еще цѣнятся Чеховъ во Франціи, можетъ послужить тотъ фактъ, что эти переводы обошли всю Францію, пожелали у всѣхъ французскихъ издателей преисде чѣмъ, наконецъ, вышли въ свѣтъ... въ Бельгii. И это несмотря на отменные качества перевода.

Къ числу заслугъ г-жи Мостковой и г-на Ламбло, какъ переводчиковъ, нужно отнести и то, что они не слишкомъ рьяно гонятся за «эквивалентами». Лингвистически говоря, точныхъ эквивалентовъ, т. е. вполне равноцѣнныхъ выражений и словъ въ двухъ сравниваемыхъ языкахъ нѣтъ, да и быть не можетъ. А. Потебня справедливо отмѣчалъ, что даже слова *nana* и *papa* не равноцѣнны, ибо пробуждаютъ совершенно различныя ассоціаціи у русскаго и у француза, въ связи съ различіями въ укладѣ семьи и всего быта. Въ идеальномъ предѣлѣ переводъ, построенный на поискахъ эквивалентовъ, будетъ не только казаться оригинальнымъ произведеніемъ, но долженъ быть эквивалентомъ, т. е. равноцѣннымъ оригиналу. Такое совершенство достигается рѣдко, и переводчики типа Жуковского по справедливости занимаютъ мѣсто въ Пантеонѣ родной литературы. Обычно же погоня за эквивалентами по большей части разрушаетъ оригинальный ходъ мыслей и способъ выраженія, присущіе автору и языку его народа, и такимъ образомъ отнимаетъ у произведенія часть его содержанія. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что переводъ долженъ быть «перетаски-

ваніемъ» на чужой языкъ. Настоящее искусство переводчика заключается въ умѣнii чутьемъ найти среднюю линію между эквивалентомъ и буквальной передачей оригинала.

II.

Интересно было бы знать, понимаютъ ли Чехова на Западѣ, въ частности во Франціи? Литературныхъ отраженій Чехова пока еще не наблюдается. Помнится, что пьеса «La folle journée» въ «Старой Голубятнѣ» намъ почему то напоминала Чехова; «Confession de minuit», слабая вещь Дюамеля, больше зависитъ отъ Достоевскаго, чѣмъ отъ Чехова. Критики о Чеховѣ пока тоже еще нѣтъ.

Наше университетское преподаваніе во Франціи и разговоры о Чеховѣ съ отдѣльными французами приводятъ насъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ скорѣе отрицательнаго характера. Тѣ, кто близко сталкивался съ русскими, напр., жилъ съ ними въ германскомъ плѣну, тѣ болѣе или менѣе понимаютъ Чехова. Одинъ профессоръ, проводившій нѣсколько лѣтъ въ обществѣ русскихъ офицеровъ (запасныхъ изъ интеллигенціи) и хорошо овладѣвшій русскимъ языкомъ, такъ охарактеризовалъ міровоззрѣніе Чехова: «Впечатлѣніе воды, уносящей безпомощныхъ людей, какъ пробки. Пробки эти сталкиваются другъ съ другомъ. Жалуютъ безпомощность своихъ сосѣдей и подтруниваютъ надъ своей собственной пробочностью». Это вѣрно, но это понято только головой, сердце тутъ почти не причесть.

Точно также головой понимаютъ и расцѣпываютъ Чехова и другіе изъ французовъ, съ кѣмъ намъ приходилось бесѣдовать на подобныя темы. Бывали изрѣдка и исключенія, но эти исключенія сами признавали, что ихъ темпераментъ не характеренъ для французовъ. Чтобы понять Чехова сердцемъ, нужно почувствовать свою собственную безпомощность передъ ходомъ жизни, свою «пробочность». Но подобное міропониманіе чуждо дѣловитому и разумному французу. Будь Чеховъ сколько нибудь мистиченъ или обладай онъ оригинальными идеями, онъ подошелъ бы къ Метерлику своей философiей и, можетъ быть, сталъ бы близокъ и понятенъ.

Въ результатѣ, въ отношеніи къ Чехову, несомнѣнно, входитъ значительная доля не то, чтобы снобизма, но любопытства, курьеза. Для снобовъ Чеховъ мало благодарный матеріалъ. Слишкомъ все умѣренно. Въ своихъ убѣжденіяхъ и отрицаніяхъ онъ слишкомъ робокъ и боится сдѣлать линіи шагъ, сказать лишнее слово. Стиль слишкомъ гладокъ; правда, неоригинальность стиля некупается авторскимъ лиризмомъ, но русская поэтика такъ отлична отъ французской, и если наша поэзія многимъ и обязана французской лирикѣ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы французамъ была свойственна или даже доступна русская лиричность и... сентиментальность. Наконецъ, слишкомъ много у Чехова человѣчности для того, чтобы смаковать дикіе ужасы жизни «Въ оврагѣ» и «Среди мужиковъ». Остается курьезъ къ быту, къ обстановкѣ, страннымъ людямъ и къ ихъ странно безвольнымъ поступкамъ и мечтамъ.

Когда то, читая «Мою жизнь», англичане дивовались описанію забавъ, свойственныхъ русскимъ торговцамъ, приказчикамъ: къ хвосту собаки привязывали пустую жестянку, и бѣдное животное металось между лавокъ, преслѣдуемое страшнымъ грохотомъ. Многія сходили съ ума и бродили по улицамъ, непрерывно трясясь всѣми членами. Англичанъ поражала дикость подобнаго развлеченія. И это было чуть ли не все, что извлекали они изъ Чехова. Теперь Констансъ Гарне переводитъ на англійскій языкъ собраніе сочиненій Чехова. Во Франціи тоже готовится полное собраніе.

Полное собраніе сочиненій Чехова на иностранномъ языкѣ! Это немножко скучно для рядового читателя и, пожалуй, плохая услуга для автора. Именемъ Антони Чехонте подписано не мало такихъ страницъ, которыя интересны только для специалистовъ и для особыхъ поклонниковъ его таланта. Съ другой же стороны, не мало имѣется прекрасныхъ мелкихъ рассказовъ, которые представляются намъ абсолютно непереводаемыми: «Святой почтой», «Кухарка женится», «Винтъ», «Лошадиная фамилія» и т. д. и т. д.

Не лучше ли было дать нѣсколько то-

мовъ избранныхъ сочиненій Чехова? Туда вошло бы, конечно, кое что и изъ мелочей, но, главнымъ образомъ, пьесы и крупные рассказы. Такая жемчужина, какъ «Дама съ собачкой» еще до сихъ поръ не переведена. Не переведены, кажется, ни «Юнычъ», ни «Жена», ни «Подѣлами службы», ни «Припадокъ», ни много другихъ хорошихъ вещей.

III

За два дня до чеховской годовщины (3/16 июля 1901) я посѣтилъ Баденвейлеръ, гдѣ умеръ Чеховъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Это уже второе мое путешествіе. Мнѣ сообщали зимой, что чеховскаго памятника нѣтъ больше около «Чеховской скамейки» въ паркѣ, такъ какъ во время войны пѣмцы расплавили его, и бронзовый бюстъ работы Ф. Шиффера (бывшаго русскаго консула во Франкфуртѣ) пошелъ на пули.

Въ первую мою поѣздку я убѣдился, что бюста нѣтъ на его обычномъ мѣстѣ. Было воскресенье, поздно вечеромъ, всѣ справочныя учрежденія были закрыты, и точно узнать, что случилось съ памятникомъ, мнѣ не удалось.

Правда, portier одного изъ бозьшихъ отелей увѣрялъ меня, что бюстъ былъ снятъ во время войны и спрятанъ въ англиканской часовнѣ, гдѣ находится и по сю пору, но я ему не повѣрилъ.

На этотъ разъ мы приступили къ систематическимъ розыскамъ.

Сперва посѣтили «Зоммеръ - Паркъ - Отель», гдѣ именно и умеръ Чеховъ. Portier никогда ничего объ этомъ событіи не слыживалъ. Пошелъ въ контору, и, вернувшись, подтвердилъ, что, дѣйствительно, здѣсь когда то умеръ какой то *russischer Schriftsteller*, но что теперь владѣлецъ отеля новый, и потому никто ничего не знаетъ.

Въ *Verkehrsburo*, на нашъ вопросъ о судьбѣ памятника, пѣмка - конторщица разомъ выпалила:

— *Eingeschmolzen*, т. е. расплавленъ. И секунду спустя, прибавила, чтобы смягчить непріятный эффектъ своихъ словъ: «Какъ были расплавлены и церковные колокола».

Мы рѣшили посѣтить также мѣстнаго врача доктора Швеура, лечившаго покойнаго Чехова. Намъ припаяли очень

радушно. Г-жа Швеуръ, русская, объяснила намъ, что первое время никому и въ голову не приходило, чтобы маленький, пустой внутри бюстъ могъ показаться цѣнной добычей для артиллерійскаго управленія. Поговаривали о томъ даже, чтобы расплавить большую статую Баденскаго герцога Фридриха (котора, къ слову сказать, и до сихъ поръ стоитъ на своемъ мѣстѣ), и вдругъ вспомнили объ *aussländisches Metall*. Можно было бы сласти бюстъ, снять его и спрятать во время, но г-жи Швеуръ въ это время не было въ Баденвейлерѣ. Гипсовая форма, въ которой отливался бюстъ, была подарена Ф. Шифферомъ доктору Швеуру и должна храниться въ *Verkehrsburo*, такъ что при затратѣ небольшихъ средствъ можно было бы сдѣлать новую отливку.

Тутъ вошелъ докторъ и чрезвычайно охотно рассказалъ намъ о послѣднихъ минутахъ А. П. Чехова. Среди прочаго вызвали къ больному. У Чехова былъ давній туберкулезъ легкихъ, а теперь начинался туберкулезъ кишечника. Уже всего было то, что сердце совсѣмъ ослабло и отказывалось работать. Докторъ попросилъ одного русскаго студента, жившаго въ отелѣ, снѣгать въ аптеку и баллономъ кислорода. Чеховъ, много говорившій по нѣмецки, замѣтилъ, что дѣлать этого не стоитъ, потому что онъ умретъ раньше, чѣмъ принесутъ кислородъ (такъ, очевидно, въ формѣ обстоятельнаго разсужденія, отразилась въ памяти доктора фраза Чехова «Ich sterbe»). Лежавшій на диванѣ Антонъ Павловичъ повернулся на лѣвый бокъ. Вдохнулъ. Все было кончено.

«Умеръ докторъ, — вспоминаетъ О. Л. Книшперъ. Начало свѣтать, и вмѣстѣ съ пробуждающейся природой раздалось, какъ первая панихида, нѣжное прекрасное пѣніе птицъ и звуки органа, доносившіеся изъ близкой церкви. Не было слышно звука мужского голоса, но было чувство обаянной жизни, была красота, покой и величіе природы».

Сергій Карцевскій.

Фрейбургъ.